

ДМИТРИЙ ОЛЬШАНСКИЙ

АБЪЯКТЫ

РУССКИЙ
ГУЛЛИВЕР

Сборник возрождает традиции русского модернизма, стихотворения приглашают читателя пережить некое интуитивное слияние с предметами, ситуациями, видениями

Дмитрий Александрович Ольшанский

Абъякты

Серия «Поэтическая серия
«Русского Гулливера»»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42316146

Абъякты:

ISBN 978-5-91627-210-9

Аннотация

Дмитрий Александрович Ольшанский профессиональный психоаналитик, сотрудник Института Высших психоаналитических исследований (Париж). Автор 4 книг по философии, семиотике и кинематографу, более 300 научных публикаций и переводов.

Это первый сборник его стихов, возрождающий традиции русского модернизма. По словам профессора Аризонского университета Аны Хедберг Олениной: «стихи Ольшанского возвращают читателю осязаемость словесной материи и феноменологический интерес к акту восприятия, освобождают сознание от предвзятых смысловых структур, грамматических норм и заскорузлых образов-клише». По мнению «Русского Гулливера», Ольшанский дает русскому читателю замечательный образец поэтического мышления Запада, к которому мы как самая отзывчивая нация в мире, должны прислушаться.

Содержание

ВЯТЕЛЬ ВНУТРЕННИХ ФОРМ: ПОЭТ	5
ДМИТРИЙ ОЛЬШАНСКИЙ	
Письма Татьянам	9
«Дай мне руку пуповиной...»	9
«Кольцо на память – петлёй брошенное	10
одиночество...»	
«Мои глаза как две жемчужины покатались	11
по твоей спине...»	
«Садиной на ветру багрянятся гроздьи...»	12
к Элизе	13
«Брызнули зёрна граната – колени армянских	14
танцовщиц...»	
«Крылья птиц лежат на плечах ветра...»	15
выставка Филонова	16
«Седина тревоги в голосах авеню...»	17
«Разжибились глаза в смятенье...»	18
ненависть	19
«Мужчины узлятся плотно, зря человека...»	20
Цвет каштана	21
«К простыням один-ночь-чества – цвет	21
каштана...»	
боли О.И	22
на болезнь ребёнка	23

«Оргазм как отчаяние затомит дыхание...»	24
от грозы	25
«Страх накладывается на глаза лучше, чем её имя...»	26
«Всполохи трав, завары тревог...»	27
«Шорох листьев со мною повсюду...»	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Ольшанский Д. Абъякты

ВЯТЕЛЬ ВНУТРЕННИХ ФОРМ: ПОЭТ ДМИТРИЙ ОЛЬШАНСКИЙ

*Разве вещь хозяин слова?
Осип Мандельштам*

Сборник Ольшанского возрождает традиции русского модернизма, возвращая читателю осязаемость словесной материи и феноменологический интерес к акту восприятия. Освобождая сознание от предвзятых смысловых структур, грамматических норм и заскорузлых образов-клише, поэт зондирует неформальное, сырое бытие и запечатлевает в материи языка эхо обрывочных, но пронзительных впечатлений. Грани между субъективным и объективным, внешним и внутренним, телесно осязаемым и интеллектуально осознанным размываются: поэзия Ольшанского исследует то, что Гуссерль и Мерло-Понти называли бы интенциональностью, или становлением отношения воспринимающего сознания к тому или иному объекту. Стихотворения пригла-

шают читателя пережить некое интуитивное слияние с предметами, ситуациями, видениями, возникающими из ассоциативного ряда, чтобы промелькнув на секунду искрой, померкнуть, заставляя наше сознание резонировать аллюзиями снова и снова. Это стихотворения, которые можно и должно читать бесконечно, потому что каждое новое обращение открывает новые грани виртуозно сконструированных словесных амальгам. Вместе с поэтом мы осматриваем наслоения, вынесенные потоком сознания – палимпсесты, в которых причудливо спрессовались хаптические ощущения, умозрительные зарисовки, эмоциональные оценки, отсылки к мировой культуре, психоаналитические разыскания, и какая-то неповторимая, подкупающая чистотой взгляда магия, остаточное вещество искусства.

Ольшанский ставит себе задачей «создавать мир» посредством слова, и с этой общей эстетической установкой связана интереснейшая работа, которую он проделывает с русским языком. Уместно сравнение с Хлебниковым, чьи лингвистические эксперименты, по словам Мандельштама, погружались «в самую в самую гущу русского корнесловия, в этимологическую ночь». Однако, блуждание в недрах предсловесного хаоса, в сумерках на грани семиозиса, никогда не приводит современного автора к глоссолалии, к фантомной ономотопее. Скорее, игра слов Ольшанского – дань методам континентальной философии: это последовательное, намеренное расчленение устоявшихся словосочетаний и новая,

совершающаяся у нас на глазах, их пересборка и переосмысление. Подобно среде наэлектризованной эбонитовой палочкой, лексикон поэта вытягивает из привычного словаря электроны-семемы, кристаллизуясь в многогранные, намагниченные смыслом неологизмы («отсутствие»), фразы-ипаллаге («бездомные ласки детей»), строки-каламбуры («Jouir-чание родовых путей»). Ведутся лабораторные опыты с «внутренними формами» слов – осколками чувственных образов, запечатленных в подвижной магне речи, в отголосках фонетических норм, в семантических облаках, испарившихся с поверхности морфем. Взять, к примеру, строку «кромешные мѳшны агнцев от-роковиц до зрачков» из последнего стихотворения в цикле «Эолк.» Здесь нутряное переплетается со зрительным, библейское с животным, мужское с женским, сексуальное с табуированным, детское с по-взрослому страшным: перед нами медитация о заклании.

Центральной темой сборника выступает телесность. Она проявляется прежде всего в бодлерианских мотивах, соединяющих эрос и танатос, соблазн и страх, влечение и отвращение. Однако помимо этого изощренного, умудренного опытом взгляда на тело, в общем-то, неудивительного для психоаналитика, в сборнике присутствует и искреннее, незащитное, открытое миру сознание, восхищающееся возлюбленной, переживающее за больного ребенка, симпатизирующее материнской доле, растворяющееся в ностальгически-родном пейзаже. От цветов зла до лепестков, наложенных на

ногти (трогательно-детская, легкая и игривая метафора эротического соития в стихотворении «Несебър»), поэзия Ольшанского волнует, завораживает, поражает.

Ана Хёдберг Оленина,

*Assistant Professor of Comparative Literature and Media Studies
School of International Letters and Cultures (Arizona State
University)*

Письма Татьянам (2004–07)

«Дай мне руку пуповиной...»

Марку

Дай мне руку пуповиной,
Круг дыхания замкнулся,
Голос песни утолимый —
Через поле — на разлуку.

Босиком по пыли мокрой
И ладонями — до солнца,
Зачерпни мне воздух горстью —
Кисть рябины горечь сердца

До небес мне ширь объятья,
Колесом по горизонту,
Через сон протяжным плачем —
Дай мне поле рук заботу.

«Кольцо на память – петлёй наброшенное одиночество...»

Ивану Швец

Кольцо на память – петлёй наброшенное одиночество,
Шерстяной варежкой терпение надето на сердце,
Охваченная пустота между ладонями соперников,
Как выдох каменистый теряется в своём падении.
Ещё непрошлое гостит.

«Мои глаза как две жемчужины покатились по твоей спине...»

Мои глаза как две жемчужины покатились по твоей спине,

Посреди пустыря-ожидания лопнула взгляда леска,
Как рыба с крючка – навстречу своей судьбе,
Ты водою речной меня напои, моя невеста.

«Ссадиной на ветру багрянятся гроздья...»

Ссадиной на ветру багрянятся гроздья,
Что в ладошки забрались.
Тетивой коромысла ветру вспять,
Босые девичьи пальцы – друг к дружке
Губы щекочут, когда их целую горсть.

к Элизе

Губы.

Piano.

Горлицей зябшей светлится,

Умыта бульчаньем ключа,

Попадая в самую древесину гляденья,

Девуца, распахнувшая себя, словно дневник.

Округ пуанты притяженья затаить,

Ступенькой ниже.

Дыхание в груди.

Возможно ли –

взять на руки без-умие лялькой?

Скромность, что ладонями внутрь

не согреет?

Почти что в профиль – так спонтанно.

Поспеет возвращеньем завтра.

«Брызнули зёрна граната – колени армянских танцовщиц...»

Брызнули зёрна граната – колени армянских танцовщиц,
Друг с другом смыкаются как снежинки в полёте,
Повторяют положение родинок на детских плечах
Холщовые глаза на дне лукошка.

«Крылья птиц лежат на плечах ветра...»

Крылья птиц лежат на плечах ветра,
Как ладони, прощаясь с рекою.
Швы случайной встречи
Протяжнее чаек напева.

Двуперстием птица садится на воду,
Щурится ладной ракушкой в отражении.
Здесь воды окоём как брусничные бусы
Поцелуев вдоль шеи. Что не напиток.

выставка Филонова

Глаза уступают место неожиданно красному,
Стягиваются грыжей лупящиеся узлы,
Как осы в кулаке тесны тела друг для друга.
О чём поют слепцы по переулкам лиц?

«Седина тревоги в голосах авеню...»

Седина тревоги в голосах авеню,
Иранская женщина поправляет свитер на шее,
Babygaze позабот: «Плохо держит головку».
Бабий gaze трепетанья.
Орехова кожа её.

«Разжабились глаза в смятенье...»

Разжабились глаза в смятенье,
Фольксвагеновый лоб палее тучно,
Как будто оболочка оливкового масла –
Всё снаружи.

ненависть

На лицах бруснится молчание-те,
Глаза сволочисты как серьги берёз,
И не профили чаек завиди-мо в круг,
Ненаглядный мой здесь, со второю грядой
Посреди.

«Мужчины узлятся плотно, зря человека...»

Мужчины узлятся плотно, зря человека,
Лязги аттических рук плотно прижатых друг к другу,
Плескополостью точка схватки пляске подобна,
Духа теснины очи твои.

Стволовые прогляды вшиваются внутрь,
Вострятся соски как доспех наготы,
Проступья наружу, на вдох – пустота,
И будто не рядом брат мой.

Цвет каштана (2008–09)

«К простыням один-ночь- чества – цвет каштана...»

К простыням один-ночь-чества – цвет каштана
На арахисовой коже боснийской женщины.
Ты не бойся аиста – то сестра твоя,
Ты прости меня, что без памяти, без дитя.
Глаза-соломы-наслажденья. темноты во плоти.
Помнишь, девушки играли помолитвой-нетушки?
И себя дарили мне, в обмен на смех.

боли О.И

Коньи зубы пускают корни в угревые хребты,
И более врастают жилами
Травы друг в друга, как струны.
Сопрано хрящей. Симфония боли.

на болезнь ребёнка

Поры пагубы худобою дышатся,
Пригубить на пару бы крынку тѣлеса,

Ранку-рытвинку, рыбку смелую,
Горлом кровушка на живот пошла,
Берестою горюшко – во седьмом году.
На засов, тотемушко, затворю беду,
Как язык на простыни – тело хворое,
Красный хак ветерок ловит.
Не ладоней крик – тишина окрест,
Затвори, околюшко, хоровод блевать
Закрути-це губы-то вместе с облаком,
Молоком-то злым захлебнулося.

«Оргазм как отчаяние затомит дыхание...»

Оргазм как отчаяние затомит дыхание,
Judith's hand persecutes my voice,
Словно снаружи – болезненное горло,
И не со мною перелесок буры.
Бла-Годарю мою плоскую,
Оплоть моего эстрагона.
Кашкалью мимо просыпал
Крошки смерти созвездием,
Ноты песни – горшечника волосы,
Что вовнутрь обжигают каштаны.

от грозы

Зов разнотелых утроб
Оуклил растёсы стремнин
Это прочь. перелог воплости
Загортали внутри
Бубны студней
Ровно слёсы гооол

«Страх накладывается на глаза лучше, чем её имя...»

Страх накладывается на глаза лучше, чем её имя,
Как маска пустоты всегда цвета ветра,
Вдоль аттических голеней,
Go length through my eyes.

«Всполохи трав, завары тревог...»

Всполохи трав, завары тревог,
Пенные мандарины девичьих чресел,
Полоницы-и-тенцы объятий,
Вместе вседѣнные локти томления иволги.

«Шорох листьев со мною повсюду...»

Шорох листьев со мною повсюду,
Словно голос матери из-за спины.
Волна океана насекомым обнимает голову,
И я неподвижен как белое.
В своём вос-хитиновом панцире –
Жёлтые ногти царицы –

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.